

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ EDUCATION POLICY

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304

Научная статья / Research article

Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе

Е.А. Антюхова

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, 111395, Москва, Проспект Вернадского, 76
e.antyukhova@gmail.com

Values of a Successful Person: a Postmodern Education in a Post-Industrial Society

E.A. Antyukhova

Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation
e.antyukhova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена роли образования в формировании успешной траектории развития личности через систему ценностей. Показано, что современная эпоха может быть описана категориями двух концепций, близких по сущности и противоречивых в отдельных проявлениях: постмодерн и постиндустриализм. Выдвинута гипотеза, что для преодоления цифрового разрушительного влияния информационных и цифровых приоритетов постиндустриализма на образование необходима система ценностей постмодерна. Показано, что при всеобщей оцифровке знаний возникает настоятельная потребность в формировании трех первичных компетенций личности, которые может дать только образование: ценностей, коммуникации и знания, не подлежащего цифровому тиражированию. Утверждается, что нарастающая тенденция превращения университетов в цифровые корпорации содержит угрозы для будущего развития формируемой личности и ее системы ценностей. Сделан вывод о возможности преодоления выявленных угроз при реализации глобальной образовательной политики на национальных и мировом уровнях, что потребует критичного осмысления зарождающихся тенденций цифрового мира.

© Антюхова Е.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: образование, глобальная политика, национальные политики, ценностный подход, постмодерн, постиндустриализм, цифровое общество, альтернативность образования

История статьи: Поступила в редакцию 02.02.2020. Принята к публикации 10.02.2020.

Для цитирования: *Антюхова Е.А.* Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 290–304. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304

Abstract. This article is devoted to the role of education in forming a successful personal development trajectory through a value system. Study shows that modern era can be described by categories of two concepts that are similar in essence and contradictory in certain manifestations: postmodernism and postindustrialism. Article hypothesizes that a postmodern value system is necessary to overcome digital destructive influence on education that is imposed by the information and digital priorities of postindustrialism. It shows that, with the universal digitization of knowledge, there is an urgent need to form three primary competencies of individual that can be provided only by education: values, communications, and knowledge, that are not subject to digital replication. It argues that growing trend of turning universities into digital corporations contains threats to the future development of the emerging personality and its value system. Article concludes that it is possible to overcome the identified threats in implementation of global educational policy, at national and global levels, which will require a critical understanding of emerging trends in digital world.

Keywords: education, global politics, national policies, value approach, postmodernism, postindustrialism, digital society, alternative education

Article history: Submitted on 02.02.2020. Accepted 10.02.2020.

For citation: Antyukhova E.A. Values of a Successful Person: a Postmodern Education in a Post-Industrial Society. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 290–304. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304

Введение

Успех человека в любом общественном устройстве в большой мере определяется набором сформированных ценностей и соответствием этого набора общественным идеалам текущего этапа развития. Активными составляющими глобального дискурса успеха становятся присущие современной эпохе такие составляющие, как индивидуализация, локальные и региональные различия, мобильность студентов и коммерциализация высшего образования, определяющие будущие перспективы молодых людей. Установление «взаимозависимости между глобальными акторами, участвующими в определении ценности образования» [1] является важнейшей частью глобальной образовательной политики, учитывающей не только социально-пространственное понимание, но и успешность как отдельных личностей, так и целых государств в получении и трансляции знаний в современной эпохе трансформации общественных отношений.

Постмодерн и/или Постиндустриализм

Для идентификации современной эпохи чаще всего используется два описания: термин постмодерн [2], сменивший многовековой период главенства модерна¹, и термин постиндустриализм [3–5], сменивший индустриальное развитие.

Не акцентируя внимание на некоей неопределенности самих терминов, содержащих временное указание «после»², уточним, что такой подход во многом снимает вопрос о названии эпохи до ее окончательного становления или завершения. Важность этого наблюдения подтверждается еще и тем, что концепция постмодерна, как и постиндустриализма, претерпела изменения за период с момента декларирования возможности трансформации общественных отношений, идентификации новой эпохи до становления преимущественной парадигмы многогранного описания человеческого существования и развития.

Обе парадигмы обладают предсказательными свойствами, предупреждая общество о тех радикальных преобразованиях, которые еще могут наступить, и эти перемены могут происходить как во взаимоотношения членов будущего общества, так и в наборе ценностей, и в системе, формирующей эти ценности, – образовании. Обе парадигмы выдвигают на первый план систему образования, несмотря на то что она возникла в эпоху модернизации и получила свой расцвет в эпоху индустриального общества. Образование оказалось связующим звеном в текущей и предстоящей эпохах между концепцией постмодернистских взглядов и постиндустриальным способом производства необходимых благ для жизни отдельного человека и общества в целом. При этом, учитывая мнение П.И. Касаткина, что «антропологическое измерение аксиологии образования, когда категория ценности утраивается: ценностью является само образование, ценностью является содержание образования и ценностью является реципиент – человек» [4], логично сказать, что роль образования в предстоящей эпохе все еще остается недооцененной.

Личность же, по пессимистической оценке Д.Г. Доброродного, как «личность эпохи постмодерна, освобожденная от господства институциональной системы знания, оказывается в ситуации эпистемологической неопределенности: она самостоятельно решает вопрос об истинности любой информации, но она не может ни на что полагаться в своих решениях» [7]. Такой вывод сделан на основании философии Интернета Л. Ропольи, указывающего, что оцифровка, доступность и тиражирование знания «производят реформуацию» знания [8], что, на наш взгляд, является необоснованным суж-

¹ См., напр.: Модерн // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2221721> (дата обращения: 01.02.2020).

² См., напр.: Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Les Editions de Minuit, 1979; Луотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998 // Центр гуманитарных технологий. URL.: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3097> (дата обращения: 01.02.2020).

дением, основанным как раз на отсутствии должного внимания исследователей ценностным ориентирам.

Феномен постмодерна характеризуется огромным количеством публикаций, каждая из которых описывает отдельные аспекты этого, все еще «нового» явления (нового с 1960-х годов прошлого столетия) [9–17]. Парадигма постиндустриального общества все чаще заменяется синонимами – «информационный» или «цифровой» уклад, уточняющих саму сущность происходящих процессов.

Наследственная особенность единства восприятия модерна и индустриализма приводит к соответственным параллелям и в эпоху трансформации – наступление эпохи постмодерна и постиндустриализма доказывается все более нарастающими проявлениями цифрового мира. Несмотря на внешнюю схожесть, следует обратить внимание, что установление знака равенства между постмодерном и постиндустриализмом ведет к непониманию сущности возникающих противоречий в такой сфере деятельности, как образование, и неопределенности в целевом формировании основной функции – человеческих ценностей.

Смена поколений в период второго модерна

Постмодерн сумел стать главенствующим описанием радикальных преобразований по информатизации и цифровизации общества, при этом многие исследователи не отдают себе отчета в том, что формируемое общество начинает противоречить идеальной модели постмодерна. Тем не менее в ближайшей исторической перспективе (до становления второго модерна) именно идеология постмодерна остается доминирующей при формировании ценностей глобального цифрового мира, характеризующихся в согласии с теорией Р. Инглхарта [18] смещением по оси материализма в сторону нематериальных ценностей. Повторимся, что точное название эпоха постмодерна получит уже после ее завершения перед началом новых преобразований, которые мы в согласии с рядом исследователей называем вторым модерном [19]. Аналогичные изменения происходят и со вторым представлением современной эпохи как постиндустриальной, уже более отчетливо проявляются в сервисизации, обеспеченной информационной поддержкой и управляемой искусственным интеллектом.

Замена продуктовой ориентированности сервисной функциональностью ведет к тому, что новая индустриализация (как термин, наиболее точно отражающий происходящие процессы) завершится тем, что для новых поколений востребованными окажутся более услуги, чем продукты, – и это потребует изменения системы ценностей новых поколений, что уже отмечается в социологических исследованиях поколения Z с достаточно точным соответствием теории Р. Инглхарта [20].

Поколение Z, или *phygital*-поколение, чья жизнь, ценности и модели поведения не формируют отличий между реальным и виртуальным (табл. 1),

для которых «цифровое пространство проникает в физическое и интегрируется с человеком» [21] и для которых обратная связь (которая в традиционном обществе служит источником и критерием ценностного измерения) очень часто реализуется «геймифицированными системами в условиях рабочей среды» [21].

Таблица 1 / Table 1

Характеристики поколений / The characteristics of the generations

Характеристики / Specifications	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z / Generation Z
Год рождения / Year of birth	1960–1979	1980–1994	1995–2010
Идея / Idea	Поколение одиночек / Loner's generation	Сетевое поколение / Network generation	Цифровое поколение / Digital generation
Исторические условия, повлиявшие на формирование поколения / Circumstances	Политическая трансформация, капитализм / Political transformation, capitalism	Глобализация, экономическая стабильность, зарождение Интернета / Globalization, economic stability, and the birth of the Internet	Мобильность, многозадачность, развитие социальных сетей / Mobility, multitasking, development social network
Образование / Education	Фундаментальное, классическое, традиционное образование / The fundamental, classic, traditional education	Быстрое освоение знаний в разных областях, внедрение элементов дистанционного образования / Rapid development in various fields, elements of distance learning	Внедрение элементов smart-образования / Elements of smart-education
Ценности и карьера / Values and career	Целенаправленное построение карьеры с университета / Focused on building a career since University	Стремление к самореализации / Focused on self realization	Ориентация на разные профессии и решение профессиональных задач / Focused on professional diversity

Источник: составлено автором на основе: Francis T., Hoefel F. "True Gen": Generation Z and its implications for companies. McKinsey&Company, November 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies/> (accessed: 01.02.2020); Глухов В.В., Васецкая Н.О. Смарт-образование как инструмент повышения качества профессиональной подготовки // Вопросы методики преподавания в вузе, 2017. Т. 6. № 21. С. 8–17 / Source: Made by the author on the basis of: Francis T., Hoefel F. "True Gen": Generation Z and its implications for companies. McKinsey&Company, November 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies/> (accessed: 01.02.2020); Glukhov V.V., Vasetskaya N.O. Smart education as a tool for improving the quality of professional training. Questions of teaching methods in higher education. 2017; 6(21): 8–17 (In Russ.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что постиндустриальные преобразования являются вызовом исторически сложившейся модели образования, и этот вызов носит не только национальный, но и наднациональный характер, все более и более обретая черты глобалистического. Указанная проблема, по нашему мнению, может быть решена только последствием более быстрого радикального изменения системы образования. Ожидаемые изменения носят противоречивый характер, и системы образования могут быть как «неоиндустриализованы», так и «постмодернизированы».

Образование как сфера глобальной коммерциализации

Все большая и большая коммерциализация образования (в том числе и становление новой отрасли мирового хозяйства (Global Education Industry [22])³, увеличение числа способов извлечения дохода от образовательной деятельности, все большая доля оцифрованного контента и в итоге, на основе искусственного интеллекта, превращение образования и его ведущих лидеров в цифровую корпорацию. Современность диктует образовательным организациям не просто оказание образовательных услуг, а участие в широком спектре обмена и потребления этих услуг на коммерческой основе и в рамках наднационального взаимодействия, включающего электронное обучение, образовательный маркетинг, подготовку тестов проверки знаний, онлайн-платформы образовательных программ, частное репетиторство и услуги дополнительного образования, в том числе подготовку и повышение квалификации преподавателей.

Необходимо обратить внимание на следующий факт, что если ранее образование преимущественно включало в себя в качестве производителей знаний университеты и другие образовательные учреждения разного уровня образования, то сейчас используется термин *edu-businesses*⁴, новых представителей (агентов) в отрасли образования, которые мотивированы исключительно на получение прибыли. Новые агенты начинают формировать конкурентные отношения как между собой, так и между университетами, прежде всего государственными, а также активно прибегают к возможностям привлечения финансового капитала для расширения своей деятельности, а также осуществляя слияния и поглощения (например, покупая стартапы Edutech, занимающиеся разработкой программного обеспечения для образовательных организаций).

Развитие цифровизации в образовании особенно активизировалось в 2008 году после запуска многопользовательских онлайн-курсов Massive Open Online Courses (МООС), которые задали основу для формирования новой сферы в образовательном контексте – дистанционное или электронное образование, обеспечивающее возможность оперативного взаимодействия обучающихся и преподавателей, что является основой для обеспечения высокого уровня удовлетворенности обучением. Следует отметить, что сами

³ См. напр.: *Seligo J.* The Third Education Revolution // *The Atlantic*. 22 марта, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2018/03/the-third-education-revolution/556091/> (accessed: 01.02.2020); *Hogan A., Thompson G.* Commercialization in Education // *Oxford Research Encyclopedias*. Декабрь 2017. URL: <http://education.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-180?print=pdf> (accessed: 01.02.2020).

⁴ См. напр.: *Verger A.* The rise of the global education industry: Some concepts, facts and figures // *Worlds of Education*. 14 марта, 2016. URL: https://www.worldsofeducation.org/en/woe_homepage/woe_detail/4850/the-rise-of-the-global-education-industry-some-concepts-facts-and-figures (accessed: 01.02.2020).

университеты не смогли сделать этого самостоятельно – так, один из самых известных и успешных проектов – лидер онлайн-образования: платформа Coursera – разрабатывалась специалистами Стенфордского университета при поддержке компании Google.

Так, в рамках развития новых форматов передачи знаний российские университеты планируют к 2025 году создать не менее 4 тыс. онлайн-курсов, что подтверждает встроенность в глобальные образовательные тренды как онлайн-образование на базе образовательных интернет-платформ: например, Высшая школа экономики размещает свои курсы на Coursera, Университет ИТМО – на платформе edX, также используется и российский ресурс – Национальная платформа открытого образования. При этом одной лишь цифровой стратегии (применение цифровых технологий в образовательном процессе) современному университету недостаточно – чтобы быть эффективным, конкурентоспособным и устойчивым в эпоху всеобщей цифровизации, необходимо стратегически решать задачи повышения эффективности, включая все аспекты деятельности (цифровизация управления, цифровая организация учебного процесса и развитие цифровых компетенций студентов и преподавателей и т.п.).

В настоящее время с учетом накопленного опыта ведущих университетов мира, прежде всего Массачусетского технологического института MIT, который одним из первых осуществил проект OpenCourseWare (MIT OCW), связанный с размещением в свободном доступе образовательных материалов (лекций, учебных планов и программ, контрольных заданий и др.) по всем образовательным курсам, следует выделить два фактически значимых аспекта: как обеспечить финансирование цифрового развития университета и как организовать бесплатное распространение контента при условии, что возможность удаленного ознакомления с образовательными материалами позволила абитуриентам сделать выбор в пользу конкретного университета. Так, опыт MIT свидетельствует о том, что изначально привлекались спонсорские средства (прежде всего фонда Hewlett Foundation), а затем OpenCourseWare перерос рамки одного университета и стал фактически интегрированным – был создан OpenCourseWare Consortium, объединяющий образовательные ресурсы институтов и университетов США и зарубежных стран. Следует отметить основную проблему проекта OpenCourseWare@MIT – поскольку проект не ориентирован на получение прибыли (доходы в основном идут от размещения ссылок для покупки учебников на Amazon.com), то актуальны вопросы его финансирования, которое может быть организовано и в рамках развития глобальной образовательной политики, включая удовлетворение потребностей в обучении со стороны развивающихся стран, тем более учитывая возможности обучения инженерным профессиям, которые важны для укрепления потенциала социально-экономического роста.

Коммерциализация образования – сложившийся тренд, актуальный в контексте рассмотрения образования как отрасли мирового хозяйства

(Global Education Industry), для которой действуют законы рынка и развитие которой требует использования инструментов маркетинга, и эксплуатирующий представления об успехе денежной оценки образовательных услуг, подменяющей систему ценностей потребителя. Альтернативной заменой обучения может стать формирование некоей среды (часто называемой исследователями Web-средой), где происходят различные события с разной степенью виртуализации и вероятности, приводящие к формированию новых компетенций будущего члена общества, но при этом «наука, искусство, политика и философия в условиях сетевой коммуникации “открепляются” от авторитетного экспертного источника (субъекта знания и творчества)» [2], и ожиданиям, что новая среда сама сформирует новые ценности (web-ценности). Различные оценки будущих систем автоматического воспитания личности в настоящее время относим к футуристическим оценкам будущих событий, которые с определенной долей вероятности могут и не наступить, так как человек становится личностью именно в обществе, обладая ценностным мышлением с преобладающей потребностью в общении с себе подобными.

Образовательная политика для поколения Z: тренды постмодерна VS тренды постиндустриализма

Опираясь на тезис, что именно образование является одним из столпов формирования ценностей человеческой личности, следует задать правомерные вопросы:

– Сформирует ли цифровая образовательная корпорация систему ценностей, которая необходима для успеха новому поколению, идущему за поколением Z?

– Возможно ли цифровое воспитание?

– Возможна ли замена ценностей человеческого общения, в том числе «учитель-ученик», «наставник-ученик» цифровой моделью?

– Возможна ли эквивалентная замена эмоций и сопереживаний в цифровом мире?

Одним из оптимистичных ответов на поставленные вопросы является следующий: образовательная политика должна опираться не на тренды постиндустриализма, несмотря на стремление соответствовать потребности, а на тренды постмодерна. Такое видение дает иное представление о развитии системы образования, в свою очередь, обеспечивающего развитие личности, а не только воспроизводство и тиражирование знаний. Единственное, что такой подход требует четкого разделения и критической оценки тех подходов, когда эпоха модерна и становления второго модерна описывается через постиндустриальные дефиниции и систему критериальной цифровой оценки. Кроме того, отчетливо наблюдаемый за прошедшие десятилетия ярко выраженный динамизм черт и особенностей, присущих постмодернистскому описанию, требует постоянного наблюдения за происходящими изме-

нениями с целью понимания того, как меняется образовательная политика⁵ и как образование должно формировать систему ценностей человека будущего.

Перечислим, что дал постмодерн уже в произошедшем влиянии на образование, что уже закреплено в обучении без ссылок на инновации и постмодерн.

Образование получает черты процесса, а не набора предметов, процессное представление обеспечивает указание пути, по которому должен двигаться обучающийся при получении образования, при этом во многом корректировка пути происходит во взаимодействии с обучающимся. Постмодернизм привел к развитию контекстуальности реализации содержания образования в условиях конкретного обучения и усилению роли диалога в процессе обучения. Постмодернизм усилил роль исследователя как в обучении, так и в познании, обеспечивая возможность многодискурсивной интерпретации. Этот перечень можно продолжать, но многие черты современного образования уже восприняли университеты в своей практике.

Для дальнейшего рассмотрения выделим три базисные черты, которые будем обязаны учитывать далее, при исследовании возможности трансформации образования и модели ценностей из постмодернистских позиций для общества, осуществляющего постиндустриальную трансформацию.

Во-первых, это глобальное проявление концепций постмодерна, и при любом исследовании необходимо учитывать существование (наличие) глобального уровня, все более проникающего в тенденции развития национального образования.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что постмодернизм, несмотря на общее воздействие на систему, оказывает влияние и на отдельные параметры образовательных политик, и, следовательно, не менее тщательно следует изучать и отдельные, локальные проявления.

В-третьих, необходимо обосновать тот факт, что нарастающая оцифровка знаний делает доступным это знание для копирования и тиражирования, что, в свою очередь, приведет к его обесцениванию, несмотря на современные попытки формирования тренда удорожания нематериальных активов.

Наиболее востребовано будет знание, которое невозможно оцифровать (в трактовке К. Нордстрема и П. Шлингмана [23], «любое знание, которое можно ухватить, приручить и затем выразить», можно также оцифровать. Но все, что можно оцифровать, можно скопировать. Этот тип знания стремительно превращается в «оптовый товар». Ценность имеет «знание такого типа, которое невозможно записать или разбить на образующие его компоненты»). Формирование моделей образования, построенных не на оцифрованном знании, обеспечит существенное преимущество в цифровой среде. Следует сразу отметить, что с нашей точки зрения как минимум две группы компетенций,

⁵ См. напр.: *Selingo J. The Third Education Revolution // The Atlantic. 22 марта, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2018/03/the-third-education-revolution/556091/> (accessed: 01.02.2020).*

уже сейчас можно отнести к неоцифруемым: навыки коммуникаций и сформированные ценности.

Усиление постмодерна послужило катализатором развития геополитики, обеспечивая не только стандартное понимание глобального мира, но и формируя стремление осознания и создания национального самосознания. Если первоначально постмодерн трактовался как «утрата национальной идеи, потеря памяти об историческом прошлом, отказ от веками выработанных норм морали и правил поведения» [24], то постепенно пришло понимание того, что «глобальное» невозможно без «национального» самосознания. Именно национальные черты обеспечивают существование более глобального (более высокого) уровня интеграции. По мнению Н.Г. Багдасарьян, ценность образования «обретается на пересечении двух векторов: глобального образовательного пространства и историко-культурного пласта традиций и образцов» [25].

Комплексный анализ современной глобальной политики в образовании позволяет сделать вывод, «что в некоторых случаях, ссылка на “наднациональный” была бы более точной, чем “глобальный”, так как многие из тенденций, которые мы наблюдаем в политике в области образования являются более интенсивными в региональном масштабе, чем в глобальном» [26]. Интернационализация образования не отражает новизну современного развития с точки зрения мобильности в высших учебных заведениях или транснациональных стратегий среди элиты, но уже отражает фундаментальный сдвиг в массовом предпочтении получения более разнообразных подходов к трансляции знаний и обеспечения возможности более разнообразного выбора. При этом следует отметить, что призывы к построению единой мировой системы (или угрозы со стороны оппонентов об опасности такой системы) не состоятельны, так как в этом случае мир получит однородную систему, не обладающую достаточным разнообразием для дальнейшего развития. Поэтому глобальная политика должна приводить к формированию ценностей, включающих сохранение национального самосознания при глобальном единстве реализуемых проектов и обеспечении социально-пространственной свободы образовательных процессов.

Результат глобальной образовательной политики: индивидуализм и/или социализация

Отличительной чертой постмодернизма остается индивидуализация, вступающая в противоречие с социализацией, более присущей цифровому миру (постиндустриальной концепции). Цифровая эпоха активно направлена на сокращение индивидуального, так как цифровизация позволяет более эффективно и быстро формировать новые общности, новые группы людей, и принадлежность к новой группе (успешной) для многих участников является неоспоримым преимуществом и свидетельством удачи собственной жизненной траектории, несмотря на потерю собственной индивидуальности. Это

явление будет усиливаться также традиционно, как это происходило и в индустриальном обществе, в котором такие социальные группы формировались первоначально больше по профессиональному признаку и принадлежность к которым служила признаком социального успеха. Если социализация будет происходить без формирования системы ценностей, то такое участие в группах может приводить к различным коллизиям вплоть до антиобщественных.

Понимание постмодерна как фрагментарной смены состояний часто приводит к выводам, что личность в этом случае характеризуется устойчивой сменой состояний, переходя от одних проектов к другим, от одних состояний к другим [13], что, в свою очередь, обуславливает негативные выводы о постмодерне как деструктивном явлении. Этот вывод Ж.-Ф.Лиотара опровергнут временем и сегодня даже в образовании хорошо заметны тенденции, когда обучающийся выбирает не одну, а несколько траекторий обучения, формируя свой багаж знаний в соответствии с востребованностью и личной удовлетворенностью, и критерием такого решения становится именно система ценностей, для которой постмодерн предоставляет возможность выбора. Кроме того, и Ж.-Ф. Лиотар [13] понимает важность полемического мышления (диссенсуса) как разнообразия смыслов, позиций и мнений.

Дуализм модерна и постмодерна

Исследуя частные траектории, следует обратить внимание, что одновременно в обществе в один исторический период протекают процессы, относимые как к модернизму, так и постмодернизму. Дуализм модерна и постмодерна обеспечивает достойное завершение эпохи модерна и понимание природы вещей постмодерна. Однако в настоящее время очевидно, что постмодерн не обеспечил собственный радикальный прорыв, и не случайно многие экономические и социологические концепции начинают рассуждать о неоиндустриализации, реиндустриализации, возрождении промышленного способа производства и т.д., вместо того чтобы говорить об эпохе второго модерна (и отнюдь не эпохе возрождения модерна). Конечно, для реального сектора экономики более прагматично появление изначально базиса в виде сервисизации (преобладание третичного сектора в экономике) в потреблении с уже дальнейшим осмыслением. Но без принятого всем обществом (всеми поколениями) целевого ориентира такое развитие практически невозможно. В связи с этим тезисом целесообразно отметить, что в настоящее время можно говорить о тройственной природе: зарождение второго модерна, постмодерна и рефлексии по модерну с его правилами общественного устройства, прозрачности (привычности) системы ценностей и успешности экономической модели на определенном интервале времени, а также главенствующей роли образования в успехе человека. Тем не менее, оставляя за рамками данной статьи предположения о формирующемся паттерне второго модерна, мы останавливаемся на постмодерне как на системе общественных

отношений информационного общества, в силу своего разнообразия обеспечивающего устойчивость современной эпохи, не забывая, что «мы живем в новом мире, но наше сознание пока еще находится под влиянием вчерашнего мировоззрения», и новые «правила игры задают нам цифровые технологии, глобализация и новое понимание успеха» [23].

Распространенной ошибкой аналитических рассуждений концепций постмодерна и цифрового общества является смешение категорий будущей неопределенности и предопределенности. Цифровое общество после своего становления обещает существенно сократить разнообразие мира в его проявлениях в силу невиданного до сих пор превосходства в предопределенности будущего с переходом от разнообразия методов управления таким обществом к единству методов в рамках выбранной модели. Замена возможности выбора детерминированной моделью, основанной на искусственном интеллекте, может привести к двум ситуациям в будущем: это поиск (и нахождение) для самовыражения личности принципиально новой сферы деятельности («дикой», не подлежащей оцифровке, о которой говорилось выше [23]). По мнению П.И. Касаткина, «технократическая перспектива, практически полностью лишаящая образование аксиологической перспективы, не может рассматриваться в качестве позитивного сценария» [4]. Указанное свойство самовыражения вкупе с навыками коммуникаций приводит к принципиальному выводу, что для такого общения должна быть создана специальная среда, обеспечивающая живое общение. Такая среда может возникать только при повышении плотности населения, что обеспечит необходимое разнообразие. Следовательно, университеты должны сохранять за собой функцию обеспечения общения, т.е. коммуникаций при организации процессов познания новых объектов, которые не подлежат оцифровке, например, как это осуществляется при проведении лабораторных работ в технических или медицинских вузах. Развитие образовательной мобильности должно стать базовой основой, основным противодействием моделям электронного обучения, не представляющим возможности живого общения. Среди определенных требований становится необходимым исследовательская составляющая любого образования. Именно при проведении исследований, ликвидации разрыва между наукой и образованием [4], освоении в будущем неоцифрованного знания обучающийся получает максимальное количество знаний, обладающих практической новизной и ценностью. В данном случае проектный подход, проектное мышление должны уступить пальму первенства, удерживаемую последние годы проектным мышлением, в пользу исследовательского подхода.

Выводы

В качестве заключения следует представить следующие выводы. Не подлежит сомнению, что образование для сохранения своего влияния должно пройти в ближайшее время быстрый путь от экономики товара (образова-

тельных программ и свидетельства об их прохождении) к экономике знаний, обеспечивая конкуренцию с накопленными оцифрованными системами знания. При этом образование должно расстаться со своим собственным консерватизмом (который часто восхваляется в университетах под эгидой того, что именно образовательный традиционализм становится инструментом устойчивости) и начать формировать ценности, присущие предстоящей эпохе. Тем не менее образование, желая сохранить свою роль в системе ценностей, должно развивать исследовательскую компоненту. Чем быстрее обновляемая система образования будет сориентирована на формирование ценностей в новой среде, тем эффективнее будет переход на новое развитие и успешнее карьера и жизненный успех личности. Навыки общения и построения коммуникаций, обеспеченные ценностями, сохраняют человеческий облик будущего общества даже при тотальной цифровизации. И именно парадигма постмодерна должна предоставить необходимый уровень творческой свободы личности, получившей сформированную систему ценностей обновленным образованием.

Библиографический список

- [1] *Forsberg S.* Setting a global agenda of education: Cooperation and tension within the global education policy field // *Geoforum*. 2019. № 100. P. 32–40.
- [2] *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
- [3] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
- [4] *Касаткин П.И.* Ценностный компонент в образовании: нужен ли он сегодня? // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. 2017. № 2. С. 42–50.
- [5] *Иноземцев В.Л.* Постмодерн // *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 296–297.
- [6] *Лебедева М.М.* Международно-политические процессы интеграции образования // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21. № 3. С. 385–394.
- [7] *Добродородный Д.Г.* Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019. № 2. С. 32–38.
- [8] *Ropolyi L.* Prolegomena to a Web-Life-Theory // *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014. № 1. P. 9–19.
- [9] *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- [10] *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 124 с.
- [11] *Волков В.Н.* Постмодерн и его основные характеристики // *Культурное наследие России*. 2014. № 5 (2). С. 3–8.
- [12] *Иноземцев В.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
- [13] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.; СПб: Алетейя, 1998. 160 с.
- [14] *Тойнби А.Дж.* Исследование истории: в 3 т. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та: «Издательство Олега Абышко», 2006. 478 с.
- [15] *Хагуров Т.* Постмодернизм в поле массовой культуры // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 125–130.
- [16] *Anderson P.* Origins of Postmodernity. London, New York, Verso, 1998. 150 p.

- [17] Jameson F. *Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke Univ. Press, 1990. 461 p.
- [18] Inglehart R., Wayne E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19–51.
- [19] Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51, Issue 1. P. 79–105.
- [20] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005. 464 p.
- [21] Мамина П.И., Толстикова И.И. Поколенческая проблематика в цифровую эпоху: философская проекция // *Дискурс*. 2019. № 5 (6). С. 29–41.
- [22] Verger A., Lubienski C., Steiner-Khamsi G. *The 2016 World Yearbook on Education: The Global Education Industry*. Routledge, 2016. 314 p.
- [23] Нордстрем К., Шлингман П. *Urban Express: 15 правил нового мира, в котором главные роли у городов и женщин*. М.: Альпина Паблишер, 2019. 220 с.
- [24] Тронеvская М.А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса пост-модернистского общества и культуры // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 13. С. 34–37.
- [25] Багдасарьян Н. Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе, или Ценность знания в обществе незнания // *Педагогика*. 2008. № 5. С. 3–10.
- [26] Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. *Global Education Policy and International Development: A Revisited Introduction* // Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. (eds). *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies* (2nd edition) London: Bloomsbury, 2018. P. 1–34.

References

- [1] Forsberg S. Setting a global agenda of education: Cooperation and tension within the global education policy field. *Geoforum*. 2019; 100: 32–40.
- [2] Jencks C. *Language of post-modern architecture*. Moscow: Stroizdat, 1985. 136 p. (In Russ.).
- [3] Bell D. *Coming post-industrial society. Experience in social forecasting*. Moscow: Academia, 2004. 94 p. (In Russ.).
- [4] Kasatkin P.I. Value component in education: is it needed today? *VSU Bulletin. Series: Philosophy*. 2017; 2: 42–50 (In Russ.).
- [5] Inozemtsev V.L. Postmodern. *New philosophical encyclopedia*. Vol. 3. Moscow: Myusl, 2010: 296–297 (In Russ.).
- [6] Lebedeva M. M. International-political processes of integration of education. *Integration of education*. 2017; 21 (3): 385–394 (In Russ.).
- [7] Dobrorodny D. G. Internet as a technological basis of postmodern culture: philosophy of the Internet L. Ropolyi. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019; 2: 32–38 (In Russ.).
- [8] Ropolyi L. Prolegomena to a Web-Life-Theory. *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014; 1: 9–19.
- [9] Bauman Z. *Fluid modernity*. Saint-Petersburg, Peter, 2008. 240 p. (In Russ.).
- [10] Baudrillard J. *In the shadow of the silent majority, or the end of the social*. Ekaterinburg: Ural University Press, 2000. 124 p. (In Russ.).
- [11] Volkov V.N. Postmodern and its main characteristics. *Cultural Heritage of Russia*. 2014; 5 (2): 3–8 (In Russ.).
- [12] Inozemtsev V. *Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects*. Moscow: Logos, 2000. 304 p. (In Russ.).
- [13] Lyotard J.-F. *State of postmodernism*. Moscow; Saint-Petersburg: Aleteia, 1998. 160 p. (In Russ.).

- [14] Toynbee A. J. *History research*: In 3 vol. Saint-Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg University: “Publishing house of Oleg Abyshko”, 2006. 478 p. (In Russ.).
- [15] Hagurov T. Postmodernism in the field of mass culture. *Sociological research*. 2007; 9: 125–130 (In Russ.).
- [16] Anderson P. *Origins of Postmodernity*. London, New York, Verso, 1998. 150 p.
- [17] Jameson F. *Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke Univ. Press, 1990. 461 p.
- [18] Inglehart R., Wayne E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000; 65 (1): 19–51.
- [19] Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity. *British Journal of Sociology*. 2000; 51 (1): 79–105.
- [20] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005. 464 p.
- [21] Mamina R.I., Tolstikova I.I. Generational problems in the digital age: philosophical projection. *Discourse*. 2019; 5 (6): 29–41 (In Russ.).
- [22] Verger A., Lubienski C., Steiner-Khamsi G. *The 2016 World Yearbook on Education: The Global Education Industry*. Routledge, 2016. 314 p.
- [23] Nordstrom K., Schlingmann P. *Urban Express: 15 rules of the new world, in which the main roles of cities and women*. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 220 p. (In Russ.).
- [24] Pronevskaya M.A. Transformation of social identity in the conditions of crisis of postmodern society and culture. *Theory and practice of social development*. 2015; 13: 34–37 (In Russ.).
- [25] Bagdasaryan N.G. Value of education in a modernizing society, or Value of knowledge in a society of ignorance. *Pedagogy*. 2008; 5: 3–10 (In Russ.).
- [26] Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. Global Education Policy and International Development: A Revisited Introduction. In Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. (eds). *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies* (2nd edition) London: Bloomsbury, 2018: 1–34.

Информация об авторе:

Екатерина Андреевна Антюхова – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия (ORCID ID: 0000-0003-0860-4792) (e-mail: e.antyukhova@gmail.com).

Information about the author:

Ekaterina A. Antyukhova – PhD (Pol. Sci.), Senior Lecturer, Comparative Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia (MGIMO University) Moscow, Russia (ORCID ID: 0000-0003-0860-4792) (e-mail: e.antyukhova@gmail.com).